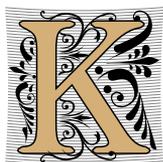

Исторический вестник. 2021. Т. XXXVIII
DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.011

А.Э. Титков

«РУССКИЙ ФАКТОР» В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ЕВРОПЕ, 1917–1920 гг.*

к началу XX в. Россия, несмотря на отсталость экономики, косность бюрократической системы управления, архаичность официальной идеологии и противоречивость социальной структуры, обладала значительным военным потенциалом, международным авторитетом и оказывала существенное влияние на европейскую систему. В условиях вызревания блоковых структур все без исключения великие державы учитывали «русский фактор» как необходимый, хотя и не решающий элемент военно-политической комбинации, нацеленной на достижение превосходства над противостоящей группировкой. В свою очередь военно-политическая доктрина Российской империи, наряду с традиционными для любой великой державы приоритетами, определялась в значительной степени мессианской идеей панславизма, сочетавшейся с идеей лидерства и сознанием ответственности за сохранение и утверждение позиций истинной православной церкви. В условиях узости индустриального развития экономическая экспансия, столь традиционная для западных партнеров

* Предложенное вниманию читателей исследование — это срез проблемы, сделанный в контексте одного источника, а именно работ В.И. Ленина.

России, тонула в глубинах национального рынка, а характер территориальных и политических требований тысячелетней державы определяли идеологические и геополитические интересы. В первую очередь это относилось к европейскому региону, где балканские славянские государства должны были замкнуть сферу влияния славянского православного мира с центром в России. Константинополь виделся конечной точкой этого движения.

Такая своеобразная военно-политическая ориентация позволяла российской дипломатии придерживаться относительно независимой линии в европейских делах. Империя, несмотря на значительную финансово-экономическую зависимость от Франции, тем не менее не соблюдала безусловную верность Антанте, оставляя за собой возможность маневра в целях реализации эгоистических идеологических и геополитических планов. Лишь неудачная попытка самостоятельно разыграть «балканскую карту» в 1912–1914 гг., неспособность Германии нейтрализовать Австро-Венгрию в этом регионе, девальвировавшая в глазах Николая II ценность русско-германского сотрудничества, авансы Великобритании и Франции в отношении Балкан и проливов убедили Петербург в том, что реализация национальной программы лежит в плоскости широкого антиавстро-венгерского, а следовательно, и антигерманского альянса.

Далекая от экономических и колониальных резонансов западных союзников Российская империя бросается в пропасть мировой войны в погоне за идеей, тревожившей более пяти столетий умы русских монархов. Идея была настолько сильна, что и после отречения Романовых продолжала определять внешнеполитическую доктрину Временного правительства. Однако здесь следует сделать несколько существенных оговорок. В условиях так называемой русской буржуазной революции старая повестка по факту была лишь ширмой, скрывавшей процесс втягивания российских элит в реализацию иного, в полном смысле этого слова революционного процесса. Вкратце его можно охарактеризовать как программу последовательных действий, направленных на удаление империй с карты Европы и Азии.

Одним из ключевых элементов этой программы была девальвация монархических институтов. По странному стечению обстоятельств ее реализация наиболее успешно началась в пределах Османской империи в формате младотурецкой революции, а затем под аккомпанемент общенационального террора продолжилась на территории Российской империи. Итогом массового идеологического давления и прямого на-

силы, направленных на разрушение инструментов государственного управления, стала десакрализация российской монархии. После отречения Николая I из триады «за веру, царя и отечество» российское Временное правительство успешно исключило лишь одну составляющую. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что этот результат не устроил архитекторов нового глобального порядка. Захватившие в октябре 1917 г. власть в Петербурге радикальные революционные партии должны были завершить дефрагментацию государства и системы старых общественных отношений, существовавших на территории бывшей Российской империи.

Октябрьский переворот 1917 г., положив начало новому отношению к общественному строю, наибольший урон нанес идейному наследию бывшей империи. Вера выкорчевывалась с корнем. И это был абсолютно новый формат мышления. Не реформация, а тотальная подмена символов. Что примечательно, старый символ веры вытеснялся еще более эфемерной конструкцией — верой в торжество коммунизма, в победу которого по сути не верили и сами исполнители так называемых революционных преобразований. Попутно был решительно отброшен панславизм, а его место заняла куда более смелая глобалистская программа торжества власти неимущих — идея мировой пролетарской революции. Понятно, что участие Советской России в мировой войне в глазах большевистско-левоэсеровского правительства было лишено всякого смысла. В итоге территория, находившаяся под управлением означенных революционных партий, взяла курс на выход из мирового, как объявляли ее лидеры, империалистического конфликта.

Показная уверенность в скором общеевропейском революционном взрыве в значительной степени определяла характер дипломатических демаршей и внешнеполитической концепции нарождавшегося советского правительства. «Мы имеем возможность сноситься радиотелеграфом с Парижем, и, когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь возможность сообщить французскому народу, что он может быть подписан и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа. Увидим, что скажет тогда Клемансо», — заявлял В.И. Ленин на заседании ВЦИКа 10 (23) ноября 1917 г.¹ Так по замыслу революционного руководства должно было произойти подписание мира между народами. Наивное на первый взгляд намерение заста-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 86. Доклад о переговорах с Духониним.

вить враждующие блоки прекратить мировой конфликт имело, тем не менее, реальную основу, равно как и конкретного заказчика. При условии развития революционного процесса на территориях Германии и Австро-Венгрии дееспособность держав Тройственного союза должна была резко упасть. Кроме того, выход России из войны фактически выводил советское руководство за рамки конфликта и позволяла на вполне нейтральной почве поддерживать и финансировать революционные партии в Германии и Австро-Венгрии. По сути, выход из войны, заявленный петроградскими путчистами, позволял, во-первых, исключить Россию из системы обязательств, связанных с послевоенным устройством, а во-вторых, открыть своего рода идеологический второй фронт, имевший целью развал противника изнутри. Что примечательно, расходы на эту деятельность готово было взять на себя большевистское правительство, списывая их на реализацию эфемерной программы мировой революции. Потенциально, наряду с высочайшим напряжением на фронте, Германия и Австро-Венгрия должны были столкнуться с резким усилением протестных настроений социального и национального характера. Такой вариант развития конфликта был проанализирован К. Клаузевицем, отмечавшим в своем трактате «О войне», что, «как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней отказываются, в результате чего заключается мир»². Ленин, в бумагах которого мы находим подробнейший конспект этой работы, вероятно, учитывал и это обстоятельство.

Не менее интересна намеченная главой большевиков программа послевоенного устройства мира. Наиболее полно она была изложена в одном из первых вариантов сценария переговоров, в котором В.И. Ленин формулировал новое определение аннексии в связи с ключевым принципом «мир без аннексий и контрибуций»: «а) непригодность определения аннексии, как земель, присоединенных после объявления настоящей войны; б) аннексией объявляется всякая территория, население которой в течение последних десятилетий (со второй половины XIX века) выражало недовольство присоединением ее территории к другому государству или ее положением в государстве, — все равно выражалось ли это недовольство в литературе, в решениях сеймов, муниципалитетов, собраний и тому подобных учреждений, в государственных и дипломатических актах, вызванных национальным

² Клаузевиц К. О войне. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 25.

движением этих территорий, в национальных трениях, столкновениях, волнениях и т.п.»³. Последний раздел был дописан И.В. Сталиным и предусматривал официальное признание за «каждой недержавной нацией, входящей в состав данной воюющей страны, права на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»⁴.

Как следует из приведенного документа, во-первых, предусматривалась возможность изменения сложившегося за 67 лет территориально-государственного устройства прежде всего имперской Европы, во-вторых, этот процесс был ориентирован в сторону разукрупнения структуры континента, в результате чего на месте европейских империй должны были возникнуть многочисленные малые национальные государства. Происходивший на деле, в том числе при участии большевистского правительства, пересмотр экономической и территориальной структуры Европы прикрывался лозунгами революционного переустройства в интересах народов, совершивших социалистическую революцию.

Постепенно актуальность заказа падала. Общеввропейская социалистическая революция задерживалась. С вступлением в войну Соединенных Штатов Америки Антанта решила проблему дефицита силы. Решительный отказ союзников присоединиться к начавшимся 9 (22) декабря 1917 г. в Брест-Литовске переговорам между Советской Россией и Центральными державами обесценил в глазах последних согласованный ранее принцип мира без аннексий и контрибуции. Немецкая и австро-венгерская делегации были переориентированы на достижение жестких условий сепаратного мира с Россией, максимально обеспечивающих продолжение войны на Западе⁵.

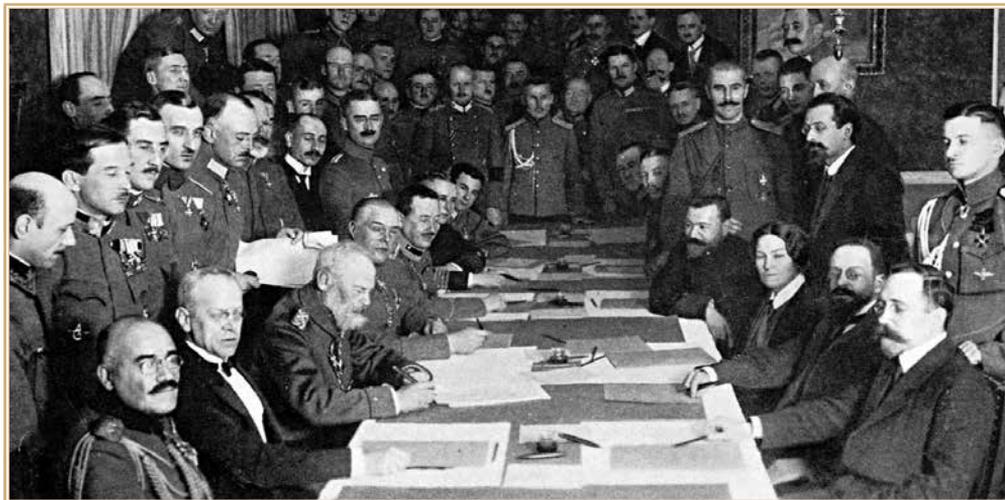
Постепенно менялась и позиция советской стороны. С первых дней переговоров просматривалось стремление Четверного союза оставить в своей юрисдикции оккупированные территории Польши, Литвы, Курляндии, части Лифляндии и Эстляндии⁶. Неудача с организацией общих переговоров на условиях революционного мира ставила на повестку дня возможность революционной войны. Подобная ситуация рассматривалась В.И. Лениным еще в 1915 г.: «На вопрос, что бы сделала партия про-

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 121. Конспект программы переговоров о мире.

⁴ Там же.

⁵ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора; Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 198–208.

⁶ Там же. С. 32–44, 87–97.

Брест-Литовск, 1918 г. Подписание председателем комиссии принцем Леопольдом Баварским (третий слева) договора о периметрии

летариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки социал-шовинистам»⁷.

Таким образом, складывалась сложная военная, политическая, идеологическая дилемма — что продавать: сепаратный, аннексионистский мир или революционную войну. Первоначально оба варианта рассматривались на паритетных началах, хотя по сути большинство в советском правительстве приветствовало возможность начать революционную войну и ускорить отставшую европейскую революцию. Проблема сводилась к способности армии успешно действовать против такого серьезного противника, как Германия. 17 (30) декабря 1917 г. В.И. Ленин в записке к общеармейскому съезду по демобилизации армии просит дать сведения о возможности наступления немцев в ближайшем будущем, о их способности нанести революционной армии

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 50–51. Несколько тезисов.

решающее поражение, о готовности армии удерживать фронт в случае такого наступления или по крайней мере задержать наступление немцев вглубь России. Как указывалось в запросе, эти данные необходимы для общего вывода о том, «следует ли с точки зрения состояния армии затянуть мирные переговоры или революционно резкий и немедленный срыв мирных переговоров из-за аннексионизма немцев предпочтителен как решительный твердый переход, подготавливающий почву для революционной войны?.. Если бы армия могла голосовать, высказалась ли бы она за немедленный мир на аннексионистских (потеря всех западных областей) и экономически крайне трудных для России условиях или за крайнее напряжение сил для революционной войны, т.е. за отпор немцам?»⁸.

В тот же день делегаты съезда занесли свои ответы в специально составленные для этого случая анкеты. 18 (31) декабря Совнарком обсудил доклад Н.В. Крыленко о положении на фронте и о состоянии армии. На основе доклада и сведений, поступивших от делегатов армейского съезда, была принята «резолюция» следующего содержания:

1. Усиленная агитация против аннексионизма немцев.
2. Ассигнование добавочных средств на эту агитацию.
3. Перенесение мирных переговоров в Стокгольм.
4. Продолжить мирные переговоры и противодействовать их форсированию немцами.
5. Усиленные меры по реорганизации армии при сокращении ее состава и усилении обороноспособности.
6. Экстренные меры по обороне от прорыва к Питеру.
7. Пропаганда и агитация за необходимость революционной войны»⁹.

Общий смысл резолюции сводился к затягиванию переговоров и подготовке революционной войны, хотя в данном контексте такая война рассматривалась как идеологический жупел. Это решение вполне соответствовало настроениям внутри советского правительства и устраивало как возглавляемое Н.И. Бухариным и Ф.Э. Дзержинским левое большинство, требовавшее решительных революционных мер, так и центр, куда переместился В.И. Ленин, склонный к более осторожной и гибкой политике.

⁸ Там же. Вопросы делегатам общеармейского съезда по демобилизации армии. Т. 35. С. 179–180.

⁹ Там же. С. 181. Проект резолюции Совета Народных Комиссаров.

Ленинская концепция выживания окончательно сложилась во время непродолжительного четырехдневного отпуска, проведенного в Финляндии 24–27 декабря 1917 г. (6–9 января 1918 г.). В заметках «Из дневника публициста» была сформулирована победившая в итоге тактическая линия: «Выигрыш времени» = сепаратный мир (до общевропейской революции)¹⁰.

3 марта 1918 г., пожертвовав северо-западными провинциями, включая Украину и часть Белоруссии, приняв на себя обязательства платить значительную контрибуцию, советское правительство заявило о выходе из «империалистической войны». Примечательно, что одновременно готовился переезд большевиков в Москву, который и состоялся 11 марта 1918 г. Что характерно, в одном из пудмановских вагонов правительственного эшелона в компании с Л.Д. Троцким переезжал во вторую столицу резидент английской короны Р.Б. Локкарт.

В целом, в условиях развернувшейся гражданской войны и общей децентрализации, оставшееся, по словам Маяковского, «на островке» Советское государство перестает на определенное время выступать в качестве субъекта международных отношений и становится объектом манипулирования со стороны держав Антанты, вполне способной по завершении мирового конфликта раздавить новую власть и реставрировать в России как минимум понятные республиканские институты.

В этой более чем неблагоприятной ситуации нужно было сформулировать более-менее логичный концепт для внутреннего потребления. И здесь, несмотря на всю эфемерность, лозунг о неизбежной революционной войне был выбран как самый удобный. В записках «Из дневника публициста» В.И. Ленин не отказывается от революционной войны, а лишь переносит ее в разряд стратегических задач: «26. Как надо “подготовить” революционную войну? 27. Революционная война держащего власть пролетариата может быть лишь война за упрочившийся социализм. 28. Сначала победить буржуазию в России, потом воевать с буржуазией внешней, заграничной, чужестранной»¹¹. 7 (20) января 1917 г. он вновь обращается к этой стратегической программной задаче в тезисах о немедленном заключении сепаратного, аннексионистского мира: «Мы и сейчас безусловно должны готовить революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполняли вообще все наши обещания... Действительно революционной войной в настоящий

¹⁰ Там же. С. 190. Из дневника публициста.

¹¹ Там же. С. 189.

момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно поставленной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах, между тем этой цели в данный момент мы себе заведомо не можем еще поставить»¹². В выступлении В.И. Ленина на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г. появилась еще более емкая формулировка: «Нам необходимо додушить буржуазию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки, и тогда мы сможем вести революционную войну с международным империализмом»¹³.

Выражаясь словами Ленина, обе руки российской революции развязались лишь только к 1920 г., когда были разгромлены основные силы Белого движения. Но что самое интересное, в это же время, 16 января 1920 г., произошла формальная отмена внешней блокады, когда Верховный совет Антанты принял резолюцию, согласно которой разрешался обмен товарами между Россией и нейтральными странами.

Этому удивительному событию предшествовали не менее значимые изменения, связанные с идейными исканиями большевиков-ленинцев и их действиями в условиях меняющейся военно-политической конъюнктуры на Европейском континенте.

Очевидно, что по мере ослабления внешнего давления на стадии завершения войны внутренней происходит переход от опосредованного к прямому действию «русского фактора» на Европейскую систему, при этом изменение внешних условий никак не сказалось на содержательной его части — оценке эпохи, отношении к окружению, предпочтительной форме действия.

1. Оценка эпохи: «Несколько случаев передышки. Несколько новых объявлений войны завоевателям. Несколько случаев союза угнетенной нации с угнетающей, которая была конкурентом завоевателя и такой же завоевательницей (к сведению сторонников “революционной войны” без взятия помощи от империалистов!). Так шла история. Так было. Так будет. Мы вступили в эпоху ряда войн. Мы идем к новой отечественной войне. Мы придем к ней в условиях назревающей социалистической революции»¹⁴.

¹² Там же. С. 251. К истории вопроса о несчастном мире.

¹³ Там же. С. 256–257. Речи о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б) 11(24) января 1918 г.

¹⁴ Там же. С. 420. Серьезный урок и серьезная ответственность.

2. Окружение. Неизменно рассматривалось как враждебное, объективно заинтересованное в уничтожении инородного формационного тела. Признание способности «окружения» объединенными усилиями задушить новый строй. (Учет возможности формационной аннигиляции.)¹⁵

3. Заявленная форма действия. Превентивная идеологическая война против буржуазных стран¹⁶, война, необходимость в которой возникает «в случае победы социализма в одной стране и сохранения капитализма в других странах»¹⁷.

Все перечисленные базовые положения советской внешнеполитической концепции исходили из понимания высокой уязвимости государства в условиях враждебного капиталистического окружения и формально были целиком сориентированы на общеевропейскую и мировую революцию. По сути же речь шла о том, чтобы без потерь в политическом пафосе, предназначенном для внутреннего потребления, разменять потенциал международного коммунистического движения на терпимые отношения с державами-победительницами. И здесь следует снова вернуться в 1918 г.

Разрастание в 1918 г. пожара Гражданской войны в России, военная слабость и неподготовленность советского правительства к выполнению своих интернациональных целей, безусловно, «связывали руки» русской революции. В дополнение к этому внешнеполитическая активность Великобритании и Франции, наряду со стремлением навязать жесткие условия мира терпящей поражение Германии, была нацелена на столь же жесткое обращение с Россией.

Однако уже к концу 1918 г. этот двойной пресс начал ослабевать под воздействием неизбежных на заключительном этапе войны деструктивных процессов в Центральной Европе. Военно-политический кризис в Германии и Австро-Венгрии, наряду с развалом военной машины, ослаблял политическую систему Центральных держав. В сердце Европы нарождались черты рукотворного революционного кризиса, сходного по целому ряду характеристик с российским. Назревавшая революция в Германии потенциально была чревата возможностью возникновения нового блока, враждебного Антанте, в котором программа «совместной революционной войны германского и российского пролетариата

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 251. К истории вопроса о несчастном мире.

¹⁷ Там же. С. 345. О революционной фразе.

против англо-французского и американского империализма» могла совпасть со стремлением национальных сил в Германии уйти от значительных материальных и территориальных потерь.

Кроме этого, фактическое упразднение Брестского договора и оккупационного статуса германских войск в Прибалтике, Польше и на Украине, отсутствие у Великобритании и Франции возможности быстро заменить немецкий кордон на свой собственный открывали восточные границы Европы. Последние существовали лишь номинально и представляли собой громадную брешь, в которую в любой момент мог хлынуть всесокрушающий красный поток. [Намерение западных держав сохранить на время немецкий кордон нашло отражение в Компьенском соглашении с Германией от 11 ноября 1918 г., в XII статье которого предусматривалось сохранение до особого решения немецких войск на Украине и в Прибалтике. — А.Т.]

В Москве на эти изменения отреагировали незамедлительно. Шанс «спасти революцию» оценивался чрезвычайно высоко. Не останавливали и трудности Гражданской войны, тем более что большевистскому правительству к октябрю 1918 г. на непродолжительное время удалось склонить чашу весов национального противостояния в свою пользу.

1 октября 1918 г. Ленин в письме Свердлову и Троцкому предлагал спешно собрать совместное заседание ВЦИКа, Московского совета, райсоветов, профессиональных союзов для принятия резолюции о событиях в Германии. 3 октября Совещание приняло документ на основе следующих положений: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших.

Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II+Эберт и прочие мерзавцы.

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще только духом), мы братский союз, хлеб, помощь военную...»¹⁸

Итак, вновь, как и в 1917 г., более чем откровенная программа, с той лишь разницей, что в октябре — ноябре 1917 г. идея военно-революционного воздействия на Европу не шла дальше абстрактных, хотя и вполне логичных рассуждений в духе классической марксистской доктрины, тогда как год спустя появилась реальная точка опоры и своеобразное «окно в Европу», куда большевики намеревались бросить максимум

¹⁸ Там же. Т. 50. С. 185–186. Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому, 1.X.1918.

находившихся в их распоряжении сил и средств. Действовать незамедлительно — именно с таким настроением писались нижеследующие строки: «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции. Вывод: 1) вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих); 2) вдесятеро больше записи в войско. Армия в три миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции»¹⁹.

Помимо материального содействия были мгновенно предприняты меры идеологического характера. Листовкой была издана в Германии статья Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» с резкой критикой отступления от программы захвата власти революционной партией²⁰. В спецпропаганду, искусством которой в Советской России овладели лучше, чем где бы то ни было, вкладывались неограниченные средства.

Революционные полпреды Берзин и Боровский вынуждены были сократить до минимума чисто дипломатическую работу и занимались в первую очередь выпуском и распространением агитационного материала. Однако Москва требовала больше. Ленин — Берзину 15/X.1918 г.: «Денег у Вас много (Пришлите непременно отчет в израсходованных вами суммах.) Дадим еще и еще, без счета [так в тексте. — А.Т.] Пишите сколько. Издавать надо в 100 раз больше, на языках, листовки в 4–8–16–32 страницы. Нанять для этого людей»²¹.

Помимо потенциально революционных Германии и Австро-Венгрии швейцарское представительство вело активную обработку держав Согласия, где, по мнению Берзина, также зрела социалистическая революция²². Правда, в отношении этой группы держав центр ставил более скромную задачу — ослабить давление на Советскую Россию. Особое внимание уделялось Франции. Расширился круг специалистов. Лозунг был один — «денег не жалеть»²³.

Аналогичную работу вел в Берлине Иоффе. Однако здесь, в центре назревавшей «международной революции», Кремль не намерен был ограничиваться идеологическим и дипломатическим воздействием. Деятельность советского полпреда в Берлине была подвергнута кри-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Пролетарская революция и ренегат Каутский.

²¹ Там же. Т. 37. С. 101–110.

²² Там же. С. 193. Я.А. Берзину. 15.IX.1918.

²³ Там же. С. 201. Я.А. Берзину. XI.1918.

тике. Иоффе был извещен об этом и в письме от 13.X.1918 г. объяснял свою позицию необходимостью продолжения дипломатической работы оппозиции. Из ленинской Канцелярии немедленно последовал ответ: «Я не против продолжения “дипломатничания”. Но значение его умалилось. Все дело в том, успеет ли Антанта высадиться в Черном море большой силой. Об этой опасности я давно всем и везде говорю и в письме в ЦИК ясно сказал²⁴. Разница коренная с II.1918 та, что тогда у нас была возможность выиграть время, отдав землю. Теперь возможности такой нет»²⁵.

Шла отчаянная игра за выживание — либо, как обещал Берзин, агитационная работа большевиков в Центральной Европе ослабит необходимость прямого или косвенного вмешательства Антанты, либо последняя высадится в Черном море «большой силой» и тем самым поставит жирную точку в истории русской смуты.

Своеобразие «русского фактора» прекрасно осознавали на Западе, хотя общие положения совместной программы противостояния распространению революции были окончательно определены лишь к началу 1919 г. В записке «О необходимости интервенции союзников в России» от 18 января 1919 г. Главное командование союзными армиями отмечало: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение Советской России путем свержения большевизма или воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами».

На смену развалившемуся немецкому барьеру спешно возводился новый — из малых государств, образовавшихся на месте бывших европейских провинций Российской империи²⁶.

Правительство большевиков, в свою очередь, делало ставку на группу «Спартак». Немецким левым рекомендовалось предпринять самые энергичные меры, чтобы способствовать созданию рабочих и солдатских советов по всей Германии. «Теперь наступает решительный час, — подчеркивал в своей телеграмме в Берлин В.И. Ленин, — быстро назревающая германская революция призывает группу “Спартак” к выпол-

²⁴ Там же. С. 97–100. Письмо объединенному заседанию ВЦИК Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г.

²⁵ Там же. Т. 50. С. 195. А.А. Иоффе. 18.X.1918.

²⁶ Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. М., 1960. Т. 1. С.83, 87; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. Wash., 1937. Vol. 4. P. 122.

нению важнейшей роли, и мы твердо надеемся, что скоро германская пролетарская социалистическая республика нанесет решительные удары мировому империализму»²⁷.

Кроме того, отречение Вильгельма, создание советов в Киле, брожение в регулярной армии питали надежду одним ударом покончить с внутренней контрреволюцией в России: в Кремле, не имея достаточно сил для борьбы с Красновым, надеялись получить помощь от немцев. Новая блоковая взаимосвязь обретала более отчетливые очертания — рвавшаяся из изоляции Советская Россия делала ставку на создание новой антифранко-английской коалиции.

Из Совнаркома 9 ноября 1918 г. Орловскому и Курскому губисполкомам и губкомам партии была отправлена секретная телеграмма, предписывавшая как можно скорее сообщить немецким солдатам на Украине об отречении кайзера и «посоветовать им ударить на красновские войска, ибо тогда мы вместе завоюем десятки миллионов пудов хлеба для немецких рабочих и отразим нашествие англичан, которые теперь подходят с эскадрой к Новороссийску»²⁸. Четыре дня спустя предположения сменились уверенностью. 13 ноября 1918 г. со ст. Унеча (Черниговская губерния) В.И. Ленину была передана телеграмма следующего содержания: «Представители революционных солдат Германии, делегаты Лышиченского Совета солдатских депутатов, совместно с Унечской организацией РКП(б), приветствуют в Вашем лице мировую революцию. Представители революционных немецких войск села Лышичи...»²⁹ В этот же день глава революционного правительства в Москве продиктовал подробные инструкции по дальнейшему ведению переговоров для председателя Унечской организации РКП(б) Иванова: «Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действенное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 196. Членами группы «Спартак». Ориентация на соединение германской и российской революции проявилась и при создании III Интернационала, идеологическая платформа которого строилась на программах ВКП(б) и «Союза спартаковцев».

²⁸ Там же. Т. 50. С. 203. Телеграмма Орловскому и Курскому губисполкомам и губкомам партии.

²⁹ Там же. С. 452.

Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа»³⁰. [Идея расправиться с противником при помощи немецких штыков буквально витала в воздухе. Такой вариант решения «русского вопроса» обсуждался в Лондоне в декабре 1918 г. Участники англо-франко-американской встречи пришли к общему выводу о целесообразности использования Германии в деле урегулирования «русского вопроса». «Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и Восточной Европы», — говорилось на совещании. — А.Т.]

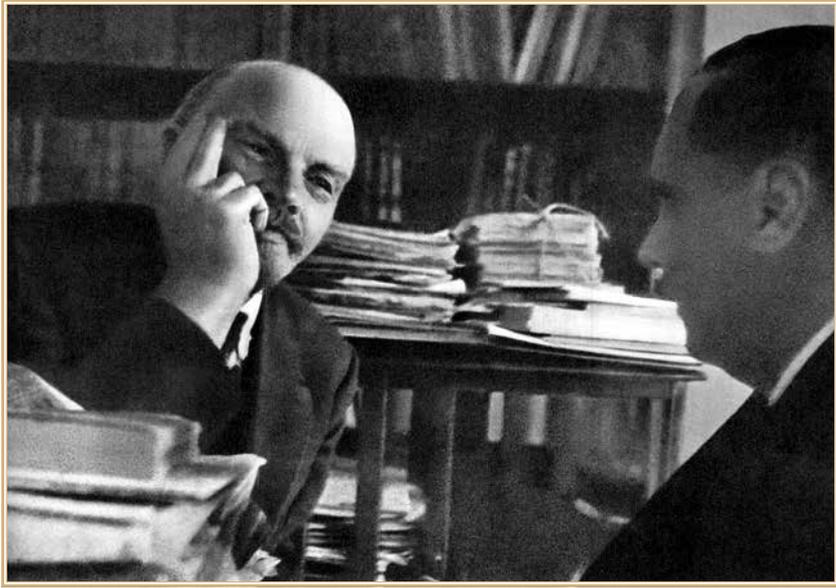
Использование немецких революционных частей для наведения порядка на Украине, а затем и в Германии являлось лишь частью обширной военно-интернациональной программы. В России готовились кадры для будущих революционных армий Центральной Европы. В Серпухов главкому Вацетису было отправлено распоряжение о создании «Центрального бюро оккупированных стран» с проектом формирования польского и Литовского ударных батальонов и западной бригады на Южном фронте³¹.

Следует отдать должное дальновидности советского правительства — заблаговременно создавалась ударная группировка на Северо-Западе для прорыва в Германию через Литву и Польшу и на Юго-Западе с целью соединения с советскими республиками, возникновение которых ожидалось в различных частях распавшейся Австро-Венгерской империи.

Подготовка революционного вмешательства и агитация со стороны Советской России вызвали ответные меры. 12 ноября 1918 г. правительство Швейцарии выслало из страны возглавляемое Я.А. Берзиним представительство РСФСР, мотивируя это несовместимостью подрывной пропагандистской деятельности советских эмиссаров в Швейцарии и сопредельных странах с дипломатическим статусом представительства. Аналогичные претензии были предъявлены правительством немецких социал-демократов, сформировавшимся после отречения кайзера. [Социал-демократическое правительство Германии было создано 10 ноября 1918 г. В течение всей следующей недели Москва использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства, чтобы оказать содействие созданию альтернативного советского пра-

³⁰ Там же. С. 205. Телеграмма председателю Унечской организации РКП(б) Иванову. 13.XI.1918 г. одновременно аналогичные инструкции были переданы в Орловский губком РКП(б). Телеграмма заканчивалась приветствием братскому союзу «Германской советской республики с Украинской советской республикой».

³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 207. Телеграмма И.И. Вацетису. 15.XI.1918 г.

В.И. Ленин и Герберт Уэллс

вительства во главе со спартаковцами. См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 575–577. — А.Т.]

В радиограмме нового правительства в Совнарком от 21 ноября 1918 г. содержалось требование признать новое правительство Германии и «воздержаться от всякого воздействия на немецкое население с целью образования другого правительства»³². В Кремле были вынуждены принять ультиматум к сведению и ослабить давление на Берлин. Ленин — Чичерину, 23.XI.1918 г.: «Надо составить ответ очень подробный и ядовитый. Признаем ли немецкое правительство? Признают ли его все Совдепы Германии? Если да, признаем и мы.

“Не воздействовать”? Словом, печатью? С точки зрения Демократии или диктатуры? Просим выяснить, но заявляем, что если ультимативно потребуют, чтобы мы не вели агитации, мы из-за этого не порвем»³³.

Неделя надежд сменилась месяцами разочарований. Революция в Германии не встала на путь пролетарской диктатуры. Боевой союз с революционной немецкой армией оказался очередной химерой. В Киеве 13 ноября 1918 г. Всеукраинский съезд Советов германских солдат не принял никакой политической резолюции. Столицу Украины решено было отдать Петлюре в обмен на свободный пропуск германских

³² Там же. С. 453.

³³ Там же. С. 211. Г.В. Чичерину.

эшелонов на Запад³⁴. Образ мировой пролетарской революции, столь зримо возникший в начале ноября 1917 г., вновь, как и год назад, обретал неясные, расплывчатые очертания. Еще одна осечка в реализации классической доктрины, еще один, хотя далеко не последний, провал во внешнеполитических исканиях российской революции.

В последнюю очередь от плана прорыва на Запад отказалось военное руководство республики. Троцкий и Вацетис в ноябре — начале декабря 1918 г. постоянно находились в штабе западного направления в Воронеже. В Москву шли телеграммы с требованиями обеспечить первоочередное снабжение Западного фронта. В 20-х числах декабря мнения наркомвоена и главкома разделились. Усматривая в наступлении Краснова большую опасность, Вацетис настаивал на перенесении усилий на юг, Троцкий продолжал отстаивать западное направление. Назревавший конфликт завершился неожиданной развязкой — 24 декабря войска III армии сдали Пермь. Наступление Колчака приобрело угрожающий характер, крайне обострилась ситуация на юге под Царицыном.

Своеобразный тайм-аут на Западном фронте продлился вплоть до апреля 1919 г., когда всплески революционной активности в Венгрии и Баварии вновь поманили большевиков на Запад.

Намерение Антанты разделить Венгрию — передать восточные области с городами Темишвар, Сибиу, Арад и др. Румынии, вычленив на севере Сербию — резко качнуло общественное мнение влево. Возник необычный альянс армии и рабочего класса. Как и в Германии, социальная революция шла в ногу с национальным движением.

В условиях углублявшегося правительственного кризиса президент Венгерской республики М. Кароль предложил социал-демократам сформировать совместно с коммунистами новое правительство, призванное найти варианты сохранения территориальной целостности и независимости Венгрии. Эти надежды во многом были связаны с Россией, которая оценивалась как контрбаланс нарастающему давлению со стороны Антанты. Выступая 21 марта в Будапештском совете народных депутатов, глава нового правительства А. Грабай [в совет вошли два социал-демократа — А. Грабай и С. Куньи, два коммуниста — Б. Кун и Б. Санто и один левый социал-демократ Е. Ланлер. — А.Т.] заявил: «Мы должны поэтому стать на точку зрения образования социалистического правительства и провозглашения диктатуры пролетариата» [см.: *Варга Е.* Историческое значение пролетарской дикта-

³⁴ Там же. С. 454.

туры в Венгрии. БСЭ. Т. 10. М., 1928. С. 84; Там же. Кун Б. Советская Венгрия. С. 72. — А.Т.]

22 марта известие о революции в Венгрии было получено в Москве. Первоначальная реакция советского правительства была весьма осторожной — сказывался печальный «германский» опыт, придавший некоторый оттенок прагматизма революционной внешней политике. В Будапешт были отправлены «надменные», но ни к чему не обязывающие поздравления. В телеграмме Б. Куну от 8 апреля 1919 г. запрашивались также подробности о событиях в Баварии [заинтересованность большевиков в делах Баварии коммунисты использовали в борьбе за большинство в правительстве. 9 апреля 1919 г. газета «Мюнхен нойес нахрихтен» опубликовала обращение Ленина. Революционному брожению в баварской столице был придан определенный импульс. Сказывались близость Венгрии и усиленная агитация эмиссаров Б. Куна. 13 апреля власть в республике передавалась Исполнительному комитету во главе с лидером баварских коммунистов Е. Левине. По российской схеме в Баварии и Венгрии приступили к ограблению буржуазии, созданию Красной армии, национализации банков, введению рабочего контроля на предприятиях. Фактически в обеих республиках реализовывалась программа, изложенная Лениным двумя годами раньше в Апрельских тезисах. — А.Т.] и содержание аграрной программы Венгерского правительства. В Москве явно не спешили, однако опасность удушения революции подстегивала нерешительных, усиливала радикалов, заставляла замолчать прагматиков. Разгром Баварской республики в мае 1919 г. в очередной раз подтвердил тезис левых о том, что падение новой власти неизбежно, если ей не будет оказана эффективная и незамедлительная военная помощь.

Западный фронт вновь пришел в движение. Красная конница рвалась в Галицию. Венгрию от России отделял лишь тонкий перешеек, заполненный румынскими войсками. Некоторое время существовало даже сообщение по воздуху. В Москве на майских праздниках присутствовали представители Венгерской Красной армии.

Однако и на этот раз последний шаг сделать не удалось. Венгры были отброшены за Тиссу. Республику теснили с двух сторон румынские и словацкие войска. Мятеж атамана Григорьева и осложнение ситуации на Украине в целом вновь вынудили большевиков повернуть штыки внутрь страны. Венгров призывали к мужеству и твердости, но никакой реальной помощи, кроме снабжения агитационными материалами, оказать не могли, а по сути уже и не стремились. Очередной раунд завершился.

Большевистская Россия сыграла свою роль в Большой игре, вложив силы и средства в дело развала старой имперской системы в Центральной Европе. Более того, именно согласованное идеологическое давление из Москвы, а также распространение идей, связанных с правом наций на самоопределение, забили осиновый кол в сердце старой Европы. Впервые было осуществлено разукрупнение двух участниц Большой игры (Османской и Австро-Венгерской империй) и реализованы модели смены общественно-политического строя. По Гамбургскому счету Ленин и его соратники записали себе жирный политический бонус, что впоследствии помогло Советской России без фатальных потерь выйти из польского кризиса.

Напряженность между революционной Россией и Польшей сохранялась на протяжении всего периода после эвакуации немецких армий из бывших западных областей России. Предъявлялись взаимные материальные и территориальные претензии, причем позиция польского правительства носила неконструктивный, а зачастую и явно провокационный характер. Ослабление России в результате разрушительной Гражданской войны, политическая изоляция Советского государства возрождали надежду на восстановление Речи Посполитой — возвращение польского государства к границам середины XVII в. Советская власть, в свою очередь, также стремилась к расширению на западе. Неизбежный в этих условиях конфликт Польши и образовавшейся в феврале 1918 г. Литовско-Белорусской республики стал прелюдией к большой советско-польской войне.

Кампания 1919 г., начавшаяся широким наступлением сил большевиков совместно с национальными красными эстонскими, литовскими и латвийскими частями, изменила внезапно свой характер в результате мощного контрнаступления поляков. К зиме 1919 г. Красная армия была отброшена на линию Полоцк–Бережна–Могилев-на-Днестре, после чего военные действия прекратились.

Однако стабилизация Западного фронта в конце 1919 г. носила временный характер. С точки зрения Пилсудского, восстановление старых границ на севере должно было быть дополнено возвращением утраченных территорий на юге. Киев, как и после подписания Столбовского мира, должен был стать на водоразделе польских и украинских земель. Мощный всплеск национализма позволял рассчитывать на успех в очередной скоротечной кампании вопреки серьезным послевоенным экономическим затруднениям. Расширение территории государства должно было с лихвой окупить тяготы войны.

Во время переговоров с Антантой в 1919 г. польская делегация настаивала на присоединении «района с населением, говорящим на литовском языке», именно такую формулировку избрали польские дипломаты в отношении Литвы. Рассматривались и варианты вовлечения Украины в польскую орбиту.

Такой подход был вполне созвучен британской внешнеполитической программе в отношении России. На берегах Туманного Альбиона Пилсудский надеялся найти благосклонное понимание и деятельную поддержку. Ставка делалась и на внутреннюю оппозицию советской власти. Единство этих важнейших составляющих польской военно-политической доктрины нашло идеальное воплощение во время переговоров Пилсудского–Рамбольда [посол Великобритании в Варшаве. — А.Т.] и Пилсудского–Савинкова в январе 1920 г.

В частности, Рамбольд был извещен, что главным условием сотрудничества с Савинковым должно было стать одобрение плана Пилсудского, предусматривавшего создание антибольшевистского польско-украинского альянса, отделение, после поражения революции и установления «нормальной» власти, украинского государства от России и включение последнего, наряду с Литвой и Эстонией, в восточноевропейский блок во главе с Польшей. Эти предложения адресовались и в Лондон, где поляки ангажировались на роль доброго пастыря, способного водворить «блудную» страну в лоно европейской цивилизации.

Однако расчеты польского правительства не оправдались ни в первом, ни во втором случае. Из Лондона последовала рекомендация отказаться от плана войны с Россией. В Форин Офисе здраво рассудили о нецелесообразности распыления усилий империи, занимавшейся в первую очередь проблемами балканского и центральноевропейского послевоенного урегулирования. Оставляли желать лучшего финансы государства, обремененные послевоенными долгами. Сказывалась особая позиция США в отношении европейских конфликтов. Не менее любопытен и ответ Савинкова на заманчивые предложения Пилсудского: лидеры внутренней оппозиции отказались от обсуждения проектов, в которых была заложена идея «усечения» российского государства.

В этой связи следует отметить, что внешнеполитические концепции ведущих государств Европы — инструментальной западноевропейской дипломатии начала XX в. также отличался рядом традиционных и вновь приобретенных черт. Наиболее значимой и стабильной представляется программа Великобритании — бесспорного европейского лидера

в межвоенный период. На берегах Туманного Альбиона традиционно придерживались практики манипулирования интересами своих континентальных соседей. Проводилась в жизнь политика поддержания европейского равновесия и ее основной принцип — «сохранение свободы рук». Главной задачей оставалось предотвращение возникновения в Европе центра силы с потенциальными возможностями, превышающими или возможности империи, или возможности ее союзников. В качестве весомого контрбаланса использовалась Франция. Последняя, в свою очередь, была озабочена поиском антигерманской комбинации. До октября 1917 г. чаяния французов и интересы англичан были идеально соблюдены с включением России в систему Антанты. Выход России из войны резко нарушил устойчивость внутренней структуры блока, удержавшего силовой баланс лишь за счет привлечения США. Однако включение «американского фактора» в Европейскую систему носило временный характер.

Экономический потенциал, форма политического мышления, характер взаимоотношений США с ведущими европейскими державами определили неизбежность политики изоляционизма, отказа от участия в военно-политических коллизиях Европейского континента. С уходом США державы-победительницы вновь столкнулись с проблемой дефицита силы. Возможность уравновесить Европейскую систему за счет создания малых Антант имела слабые шансы на успех, поскольку единственной опорной точкой этой модели на континенте была Франция, что было явно недостаточно для непосредственного силового обеспечения и ограждения формирований малых государств от посягательств других великих держав.

В этом смысле непрочность европейского баланса сил в значительной степени повышала дивиденды Польши. В Варшаве шли на риск самостоятельной игры, прекрасно понимая, что в случае критической ситуации помощь Большой Антанты последует незамедлительно. Видимая ослабленность России способствовала этому. Возобновление 27 марта 1920 г. переговоров об урегулировании взаимных претензий мало меняло ситуацию — дипломатические дебаты служили лишь завесой, скрывавшей активную подготовку сторон к очередному, возможно решающему, столкновению.

Продолжившийся в апреле 1920 г. конфликт обладал рядом немаловажных особенностей. Во-первых, это была война бывшей провинции против своей бывшей метрополии; во-вторых, со стороны Польши и ее союзников ставка делалась на национально-консерва-

тивное движение, со стороны РСФСР — на интернационально-революционное, в том числе и в самой Польше; в-третьих, это была борьба за определение западных границ Советской России; в-четвертых, решался вопрос о том, будет ли с помощью польского буфера изолирована русская революция или с советизацией Польши и наступлением Красной армии ареал ее распространения достигнет границ Германии. Последний вопрос был, как нам представляется, наиболее значимым для обеих сторон, оттесняя на второй план проблему границ. Характерно, что в апреле 1920 г. советская сторона готова была уступить Польше всю Белоруссию, включая Минск³⁵, тогда как в июле того же года отказалась одобрить линию Керзона и заключить мир через посредничество Лиги Наций. Как отмечал В.И. Ленин, речь шла прежде всего о том, чтобы «помочь польским рабочим свергнуть их правительство»³⁶ и ликвидировать буфер между Советской Россией и Германией, созданный Версальской системой, равно как и саму систему: «Если бы Польша стала советской, если бы варшавские рабочие получили помощь от Советской России, которую они ждали и которую приветствовали, Версальский мир был бы разрушен, и вся международная ситуация, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы. Франция не имела бы тогда буфера, ограждающего Германию от Советской России»³⁷.

Однако конфликт не привел к революционной войне польских трудящихся против собственного буржуазного правительства. Напротив, Пилсудскому удалось добиться консолидации страны на национальной основе и отбросить Красную армию от Варшавы. Характерно, что на заключительном этапе войны большинство в польской армии составляли рабочие и крестьяне³⁸. Национальный стимул оказался сильнее интернационально-классового. Первая и последняя революционная война советского государства закончилась неудачей. Возможность изменения международной ситуации в условиях развития перманентной революции не реализовалась. Социализм был оттеснен в рамки одного государства.

В СССР существовала достаточно гибкая модель поведения социалистического государства в капиталистическом окружении, опиравшаяся

³⁵ Там же. Т. 41. С. 319.

³⁶ Там же. С. 322.

³⁷ Там же. С. 323.

³⁸ Там же. С. 284–285.

прежде всего на ленинское наследие. В.И. Ленин, в частности, указывал, что в условиях капиталистического окружения невозможно «вырваться полностью из той или иной империалистической связи», но «не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране...»³⁹. В этих условиях наиболее приемлемой считалась тактика «выжидания и использования конфликтов и противоречий между империалистами»⁴⁰, присущая советской внешней политике на начальном этапе складывания РСФСР.

Жизненно важной считалась также разработка алгоритма поведения в условиях угрозы вторжения со стороны одной из империалистических группировок, которое ожидалось в обозримом будущем и считалось неизбежным. Выступая с докладом о внешней политике на объединенном заседании ВЦИКа и Московского совета 14 мая 1918 г., В.И. Ленин подчеркивал: «...если крайняя военная партия (таковой стала национал-социалистическая партия в Германии. — А.Т.) может с минуты на минуту победить любую империалистическую коалицию и создать новую неожиданную империалистическую коалицию против нас, мы во всяком случае этого дела не облегчим. Если они двинутся на нас... мы сделаем все, что от нас зависит, все, что способна дипломатическая тактика сделать, сделаем все, чтобы этот момент оттянуть...»⁴¹.

В случае же, если нападение состоится и советское государство будет втянуто в войну, возможным и целесообразным считалось соглашение с «дружественным» империализмом, «когда это соглашение, не нарушая основ советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы...»⁴².

Итак, перед нами комплекс тактических клише, тот самый политический инструментарий, рассчитанный как на относительно спокойный климат в международных отношениях (тактика выжидания и использования противоречий), угрозу войны (тактика оттягивания нападения

³⁹ Там же. Т. 35. С. 247.

⁴⁰ Там же. Т. 36. С. 341.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Т. 35. С. 247.

любыми средствами), так и начало войны (заключение союза с «дружественным» империализмом). В межвоенный и военный периоды советская внешняя политика прошла через все три уровня на этапах: 1922–1938, 1938–1941, 1941–1945 гг. Причем на каждом из них в условиях господства одного из трех тактических стереотипов два других не отрицались и оказывали влияние, создавали фон осуществлению ключевой формы поведения.

В целом с окончанием советско-польской войны военно-политическая ситуация на востоке Европы стабилизировалась. Ленинское правительство в полной мере воспользовалось бонусом, заработанным в процессе фактически совместных с Антантой усилий, направленных на предотвращение пересборки Центральных держав. С геополитической карты мира были удалены Австро-Венгерская и Османская империи, а западные границы РСФСР закреплены де-юре. Прекратилась и агрессивная идеологическая экспансия большевистского правительства. Само понятие «революционная война» было выведено из политического лексикона советской власти. Более того, коллективному западу дали понять, что Советская Россия обратилась в сторону задач мирного строительства. Примечательно, что этот сигнал был передан по уже наработанному за последние 20 лет каналу, когда В.И. Ленин встретился с Гербертом Уэллсом, представлявшим отнюдь не слой людей, занятых написанием фантастических романов, а влиятельное Фабианское общество, по факту курировавшее проект создания Новой Европы. Заявленный план ГОЭЛРО напрямую предполагал многочисленные заказы на внешнем рынке, а последовавшая за этим новая экономическая политика фактически открыла Россию западному капиталу. Несмотря на коммунистическую риторику Советскую Россию предпочли терпеть, а в каких-то случаях использовать. «Русский фактор» в понимании коллективного запада перешел в категорию неизбежного зла, консолидировавшего самим фактом своего существования силы добра и корпоративного прогресса.

REFERENCES

1. *Klauzevic K. O voine.* T. 1 [*Carl von Clausewitz. On war.* T. 1]. M.; L.: Voenizdat, 1932. S. 25.
2. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 35. Konspekt programmy peregovorov o mire [Collected Works. T. 35]. Moskva: Politizdat, 1974.
3. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 27. Neskolko tezisov [Collected Works. T. 27]. Moskva: Politizdat, 1962, S. 5–51.
4. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 36 [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 35]. Moskva: Politizdat, 1970.
5. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 37. Proletarskaia revoliutsiia i renegat Kautskii [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 37]. Moskva: Politizdat, 1974.
6. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 41 [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 41]. Moskva: Politizdat, 1970.
7. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochoneniy.* T. 50. Ia.M. Sverdlovu i L.D. 1.X.1918 Trotskomu. [*Lenin V.I. Collected Works.* T. 50]. Moskva: Politizdat, 1970.
8. Sovetsko-germanskiye otnosheniya ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniya Rappal'skogo dogovora; Sbornik dokumentov. T. 1 [Soviet-German relations from the Brest-Litovsk negotiations to the signing of the Rapallo Treaty; Collection of Documents. T.1]. Moskva: Politizdat, 1968.
9. Iz istorii grazhdanskoi voiny v SSSR: S. dokumentov i materialov. T. 1 [From the history of the Civil War in the USSR: S. documents and materials. T.1]. Moskva: Sovetskaia Rossiia, 1960, S. 83, 87; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Russia. Wash., 1937. Vol. 4.

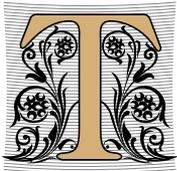

Ключевые слова:

В.И. Ленин, «русский фактор», Брестский мир, Антанты, Центральные державы, революция, Фабианское общество.

Alexey E. Titkov

RUSSIAN FACTOR IN THE MILITARY AND POLITICAL CONFLICTS OF EUROPE IN 1917–1920

The article deals with the influence of the so-called Russian factor in the events following the end of the First World War up until 1920. The revolution in Russia radically changed the situation in Europe, having a major impact on the domestic and foreign policies of the belligerent nations, caused by active Soviet support for revolutionary movements in Europe. This practice stemmed not from a sincere desire to fan the revolutionary flames but rather from the survival instinct of the newly-established proletarian state, surrounded by hostile capitalistic countries. The article examines the ideological motivations behind Soviet Russia's foreign policy during this period and the activities of its leader, Vladimir Lenin, as well as his attempts to influence social and political processes in Germany, Hungary, and Poland. The study also analyzes the changes in the ideological agenda of the Bolsheviks after the failure of Soviet policy to create springboards for the advancement of the revolution into Central Europe. Moreover, the paper points out that the smokescreen of the revolution in Russia reveals clear signs of a concerted effort to wipe the Ottoman Empire, the German Empire, the Austro-Hungarian Empire, and the Russian Empire from the map of Europe and Asia, preceded by an active campaign aimed at undermining the monarchic institutions themselves. Meanwhile, the Bolshevik policy that sought to completely dismantle the old regime, despite the hostility of its ideology, eventually proved perfectly acceptable for those who aimed to prevent the Central Powers from rising up again.

Key Words: Vladimir Lenin, the Russian Factor, Brest-Litovsk Peace, Entente, Central Powers, Revolution, Fabian Society.

Alexey E. Titkov – Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter.

 Титков Алексей Эдуардович

кандидат исторических наук, главный редактор журнала
«Исторический вестник»